

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-858-864

БАДАЕВА Марита Ильдаровна,
адвокат,
адвокатское бюро «Шварц и Партнеры»,
e-mail: mbadayeva@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОГО ОСПАРИВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СТАРШЕ 14 ЛЕТ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЯ (П. 2 СТ. 56 СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РФ)

Аннотация. Предметом исследования является вопрос толкования ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ в следующем проблемном аспекте: действительно ли их возможно понимать как позволяющие детям старше 14 лет предъявить против своих родителей иск из ненадлежащего исполнения последними родительских обязанностей?

Актуальность исследования подтверждается высокой значимостью защиты (в том числе правовой) семьи, материнства, отцовства и детства, являющейся приоритетом государственной политики Российской Федерации. Работа характеризуется новизной, поскольку в обозначенном в работе аспекте названная проблема ранее в отечественной литературе предметом самостоятельного исследования не становилась.

Используя методы анализа и синтеза, научного абстрагирования, автор приходит к выводу о том, что нормы ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ следует толковать ограничительно, поскольку допущение судебного оспаривания ребенком воспитательных решений родителей порождает ряд неразрешимых проблем, дезавуирующих саму суть воспитания. Судебное рассмотрение внутрисемейных споров вне зависимости от исхода такого «дела» является обоюдоострым оружием, так как одновременно ограничивает право родителя, поведение которого безупречно, на принятие воспитательного решения и право ребенка воспитываться родителями, а не субъектом публичной власти. Автор приходит к выводу, что, несмотря на буквальный смысл обсуждаемых норм, иски ребенка против родителя об оспаривании воспитательных решений являются недопустимыми.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, семейное право, гражданская процессуальная дееспособность, гражданская процессуальная правоспособность, субъективное право, права ребенка, родительские права, родительская власть, автономия личности, право на иск.

BADAYEVA Marita Ildarovna,
attorney, Schwartz & Partners Law Firm

ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF JUDICIAL CHALLENGE BY MINORS OVER THE AGE OF 14 OF A PARENT'S EDUCATIONAL DECISION (PARAGRAPH 2 OF ARTICLE 56 OF THE FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. The subject of the study is the interpretation of Part 4 of Article 37 of the Code of Civil Procedure and paragraph 2 of Article 56 of the Family Code of the Russian Federation in the following problematic aspect: is it really possible to understand them as allowing children over the age of 14 to sue their parents for improper performance of parental duties by the latter? The relevance of the study is confirmed by the high importance of the protection (including legal protection) of the family, motherhood, fatherhood and childhood, which is a priority of the state policy of the Russian Federation. The work is characterized by novelty, since in the aspect indicated in the work, the named problem had not previously been the subject of independent research in the Russian literature.

Using methods of analysis and synthesis, scientific abstraction, the author comes to the

conclusion that the norms of Part 4 of Article 37 of the Code of Civil Procedure and paragraph 2 of Article 56 of the Family Code of the Russian Federation should be interpreted restrictively, since allowing a child to challenge the educational decisions of parents generates a number of unsolvable problems that disavow the very essence of education. Judicial review of intra-family disputes, regardless of the outcome of such a "case", is a double-edged weapon, since it simultaneously restricts the right of a parent whose behavior is impeccable to make an educational decision and the right of a child to be raised by parents and not by a subject of public authority. The author comes to the conclusion that, despite the literal meaning of the norms discussed, the child's claims against the parent for challenging educational decisions are unacceptable.

Key words: civil procedural law, family law, civil procedural capacity, civil procedural legal capacity, subjective law, child rights, parental rights, parental authority, individual autonomy, right to claim.

В соответствии с п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации при нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд.

Данная норма соотносится с ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ, в соответствии с которой в случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы.

Буквальное содержание данных норм приводит нас к выводу о том, что дети старше 14 лет вправе предъявить в суд против своих родителей иск из ненадлежащего исполнения ими обязанностей по воспитанию.

При этом широта формулировок п. 2 ст. 56 Семейного кодекса дает основания считать, что почти любые разногласия между родителями и детьми могут стать предметом судебного разбирательства, поскольку любое родительское принуждение можно истолковать как посягательство на то или иное право ребенка.

Рассмотрим данный тезис на примерах.

В Семейном кодексе РФ особо выделяется, что ребенок имеет право, в частности, на всестороннее развитие, на обеспечение его интересов, уважение его человеческого достоинства (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ), на получение содержания от своих родителей (п. 1 ст. 60 Семейного кодекса РФ).

По букве приведенных норм отказ родителя устроить ребенка в школу, выбранную несовершеннолетним, может быть расценен как ненадлежащее выполнение родителем обязанности по

образованию ребенка, неудовлетворение просьбы ребенка оплатить посещение им музыкальной школы, спортивной секции и т. п. — права на всестороннее развитие, применение строгого наказания, не нарушающего, однако, публично-правовые запреты (например, словесные наказания, отнятие мобильного телефона или иных личных вещей, запрет покидать дом без разрешения родителей) — права на уважение человеческого достоинства, предоставление недостаточного по мнению ребенка количества карманных денег — права на получение содержания от родителей. Перечень таких примеров можно продолжать.

Необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, в настоящей работе не рассматривается вопрос о том, как в каждом конкретном случае следует квалифицировать то или иное действие родителя: проблему исследования составляет не право ребенка на удовлетворение, а право на предъявление соответствующего иска к родителю. Приведенные выше примеры призваны показать, что, если ограничиться буквальным толкованием закона, то можно прийти к выводу о том, что такие вопросы могут стать предметом судебного разбирательства по иску ребенка против родителя. Вопрос о том, при каких условиях такой иск подлежит удовлетворению, не входит в предмет данного исследования.

Во-вторых, мы не имеем в виду случаи, когда поведение родителя нарушает публично-правовые нормы и является основанием для лишения/ограничения родительских прав.

Проблема настоящей работы состоит в том, как следует понимать нормы п. 2 ст. 56 Семейного кодекса и ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ: действительно ли можно ограничиться буквальным толкованием данных норм и считать, что верность воспитательного решения принципиально проверяема государством и ребенок может «вызвать» в суд собственного родителя и оспорить родительское веление? Оспори́ма ли родительская власть? Верна ли гипотеза о том, что родительское принуждение, не нарушающее публично-правовых запретов, принципиально

может быть квалифицировано как правонарушение в том смысле, что не позволяет ребенку реализовывать его права в соответствии с его, ребенка, волей?

В литературе вопрос толкования п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ поднимается редко и, как правило, вне обозначенной нами проблемной плоскости. Авторы либо констатируют право ребенка на самостоятельное обращение в суд после достижения 14-летнего возраста в том числе против своих родителей [1, с. 265], [2, с. 318], либо ограничиваются указанием на проблемность фактической реализации этого права с точки зрения сложности юрисдикционных процедур, финансовых затрат и пр. [3, с. 198].

Представляется, что для нахождения верного ответа на указанные вопросы нельзя ограничиться буквальным прочтением приведенных норм права.

Конфликт отцов и детей в любых его проявлениях представляет собой сложный социокультурный, философский, психологический феномен и не может быть исследован без погружения в соответствующие области знаний.

В настоящей работе не ставится задачи провести исчерпывающий и всеобъемлющий анализ вопроса и дать на него окончательный ответ, однако предпринимается попытка перенести рассматриваемый конфликт на более высокий уровень абстракции, то есть определить, конкуренция каких правовых и общесоциальных институтов предопределяет возникновение обсуждаемой юридической коллизии и как то или иное решение поставленного вопроса на них влияет.

В первую очередь необходимо определить, какой социальный конфликт стоит за спором родителя и ребенка, не согласного с родительским воспитательным решением. Представляется, что в аксиологической плоскости такой спор – это проявление конфликта двух правовых и нравственных ценностей: родительской власти и автономии личности ребенка.

Термин «родительская власть» в лексике современного законодателя не применяется, однако обозначаемый этим понятием правовой институт существует со времен римского права.

Родительская власть была закреплена в Своде законов Российской империи, где предусматривалось, что «власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста» (том X, ст. 164) и что от детей на родителей «в личных обидах или оскорблениях ... не приемлется никакого иска, ни гражданским, ни уголовным порядком» (том X, ст. 168). Вот как комментировали это положение в доктрине: «родительская власть есть полное (конечно, в разумном согласно с нынешними понятиями смысле) подчинение

детей указаниям родителей во всей их частной, а иногда и общественной жизни, с правом родителей, конечно, понуждать детей, иногда мерами довольно строгими, к следованию этим указаниям» [4, с. 513].

Как писал Д. И. Мейер, личные отношения между родителями и детьми «сводятся к праву власти, принадлежащей родителям по отношению к детям». Это право «давать те или другие приказания и вытекающее отсюда обязательство подвластного повиноваться приказаниям; это право на лицо, чуждое всякого имущественного характера» [5, с. 761].

После 1917 г. термин «родительская власть» был заменен словами «права и обязанности родителей». Как указывал профессор А. Г. Гойхбарг, «родительская власть должна быть предоставлена не как право, а как обязанность по отношению к детям...и лишь постольку, поскольку осуществление этой власти не навредит интересам детей и не нарушает их личных прав» [6, с. 68].

Изменение словоупотребления, однако, не означало отказа законодателя от признания института родительской власти. В современном российском законе существует множество примеров, подтверждающих признание за родителями власти над их детьми (в пределах, ограниченных публично-правовыми запретами).

Так, в п. 31 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) установлено, что родители признаются самостоятельными участниками образовательных правоотношений. Это означает, что они не просто выступают как законные представители своих детей, то есть дополняют недостающий объем дееспособности последних, но имеют собственные права и собственный интерес в образовании детей.

Родители вправе выбирать до завершения получения ребенком основного общего образования (которое обычно завершается к 16 годам) с учетом мнения ребенка, а также с учетом рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии (при их наличии) формы получения образования и формы обучения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, язык, языки образования, факультативные и элективные учебные предметы, курсы, дисциплины (модули) из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность. Кроме того, родители имеют право дать ребенку дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее образование в семье (подп. 1, 2 п. 3 ст. 44 Закона об образовании).

В свою очередь, за детьми право выбора организации, осуществляющей образовательную деятельность, формы получения образования и

формы обучения признается только после получения основного общего образования или после достижения восемнадцати лет (подп. 1 п. 1 ст. 34 Закона об образовании).

Еще один пример признания законодателем родительской власти находим в нормах, регулирующих врачебную тайну несовершеннолетних.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в его нынешней редакции особым образом регулирует врачебную тайну несовершеннолетних: в ч. 2 ст. 22 он устанавливает, что информация о состоянии здоровья несовершеннолетних старше 15 лет предоставляется не только им, но и их законным представителям.

Это положение, введенное в текст закона в 2022 году, активно обсуждалось на страницах юридических изданий. В литературе можно встретить как позитивные комментарии, так и критические замечания. В частности, авторы отмечали проблемы нерешенности вопроса о том, обязан ли врач сообщать родителю медицинскую информацию о его ребенке по своей инициативе или только по запросу родителя, а также о том, какую именно информацию врач передает родителю: только о диагнозе и лечении либо также иную личную информацию, сообщенную ребенком при приеме.

Приведенные положения закона, а также еще не нашедшие закрепления в позитивном праве, но обсуждаемые общественностью положения (например, звучащие в общественных дискуссиях предложения на законодательном уровне запретить детям пользование социальными сетями без разрешения родителей) – примеры, подтверждающие реальность и живость института родительской власти как в позитивном праве, так и в общественном правосознании.

В исследуемом конфликте родительской власти, как мы обозначили ранее, противостоит институт автономии личности ребенка.

Под автономией личности несовершеннолетнего, прежде всего, понимается, что ребенок является самостоятельным носителем конституционных прав (в т. ч. на свободу и личную неприкосновенность, личную тайну, тайну переписки и пр.), достоинство его личности охраняется государством. В современном российском законе отсутствует норма, устанавливающая обязанность детей подчиняться родителям. При таких условиях личная автономия ребенка становится препятствием на пути реализации родительской власти, поскольку легального основания для родительского принуждения в позитивном праве мы не находим.

На «коллидирующий характер» интересов родителей и детей (выражающийся в противоре-

жении власти родителей и самостоятельности ребенка) указывал еще И. А. Покровский. Более того, проблему личности в сфере семейных отношений он относил к одной из основных проблем гражданского права [7, с. 163].

Проанализируем, каковы последствия передачи в суд спора родителя и ребенка для родительской власти, личной автономии ребенка и семейных отношений.

Прежде чем перейти к обсуждению влияния судебного спора ребенка с родителем на родительскую власть, необходимо более подробно остановиться на ее социальных функциях, аспектах ее социальной значимости.

Первый аспект, конечно, заключается в том, что родительская власть обеспечивает возможность воспитания, поскольку последнее по своему существу предполагает ту или иную степень принуждения. В этой части речь идет о внутрисемейной стороне проявления родительской власти.

В этой связи институт родительской власти находится в непримиримом противоречии с гипотетической возможностью судебных споров с родителями по вопросам воспитания. Судебное оспаривание ребенком принятых в отношении него родительских воспитательных решений принципиально отрицает, исключает родительскую власть. Сам факт рассмотрения такого дела в суде вне зависимости от его исхода неизбежно означает подрыв родительского авторитета и фактическую невозможность нормального воспитания ребенка в дальнейшем. То обстоятельство, что родитель окажется перед необходимостью в суде доказывать перед ребенком свою правоту в воспитании последнего, ставит родителя в положение оправдывающегося, почти подвластного, что, очевидно, ставит крест на власти родителя и противно существу отношений родителя и ребенка.

В доктрине указывают и на вторую, внешнюю функцию родительской власти, которая состоит в том, что она ограждает семью от любых вмешательств извне. У профессора Г. Ф. Шершеневича можно прочесть следующие слова: «Праву личной власти соответствует обязанность всех вообще не ставить себя в такое отношение к жене, детям, опекаемым, которое противоречило бы этой власти...права личной власти отмечены абсолютным характером» [8, с. 677]. Под «абсолютным характером» Г. Ф. Шершеневич понимает то, что обязанность невмешательства распространяется на неопределенный круг лиц, в который входит и государство.

Так, профессор отмечал, что «семья представляет собой основную ячейку государственного организма и пользуется некоторой автономией. Государство охраняет по возможности

неприкосновенность внутренней жизни семьи, опасаясь излишним вмешательством повредить мирным ее отношениям» [8, с. 676].

Итак, второй, «внешней» функцией родительской власти является то, что она выступает стержнем автономии семьи, ограждает семью от вмешательства извне, в том числе от вмешательства государственного: родители, а не третьи лица или государство облечены властью решать важнейший семейный вопрос – вопрос воспитания. Автономия семьи, ее «закрытость» от несоразмерного вмешательства государства – это самостоятельная конституционная ценность, определяющая право родителя воспитывать ребенка по своему усмотрению, вырастить его с убеждениями и ценностями, разделяемыми родителем. Иными словами, до пределов публично-правовых запретов родитель свободен в выборе методов воспитания.

На конституционно-правовую ценность непререкаемости родительской власти, ее уважения государством указывают и зарубежные авторы [9, с. 23].

В этой связи интересно обратиться к комментарию авторов Гражданского уложения к норме Свода законов Российской Империи об обязанности ребенка оказывать родителю почтение, которые писали, что запрещаться должны лишь те поступки, которые выражают непочтительное отношение к родителю и видимо *оскорбляют чувства общественного порядка* и мира в семейных отношениях» [4, с. 493].

В комментарии обращает на себя внимание тезис о том, что проявление непочтения к родителям принципиально способно «оскорбить чувство общественного порядка». Иными словами, порядок общественный связывается с порядком внутрисемейным, а почтительное отношение к родителям воспринимается как общесоциальная ценность, элемент правильной социальной организации.

С точки зрения «внешнесоциального» аспекта значимости родительской власти также необходимо прийти к выводу о ее несовместимости с исками ребенка против родителя.

Во-первых, рассмотрение судом такого «дела» означает как минимум раскрытие суду информации, защищенной личной и семейной тайной, в том числе против воли родителей, которые в подобной ситуации оказываются втянутыми в судебный процесс по инициативе ребенка. Конечно, обсуждаемые гипотетические судебные разбирательства должны были бы осуществляться в закрытых судебных заседаниях, однако едва ли родитель-ответчик желал бы сообщать подобные сведения в том числе судье.

Во-вторых, судья, агент государственной власти, в подобных спорах становится на место родителя, что на более абстрактном уровне означает передачу в руки государства воспитательной функции (пусть и по конкретному вопросу). Едва ли несогласие несовершеннолетнего, например, с родительским выбором школы может быть поводом для столь серьезного вмешательства государства в частную жизнь семьи, лишения ее той самой «автономии», о которой писал профессор Г. Ф. Шершеневич, и в сущности лишению родителя права влиять на принятие воспитательного решения.

В сущности, отказ родителю в принятии воспитательного решения можно квалифицировать как определенную степень ограничения родительского права на воспитание. Такое ограничение, при том что оно производится не в связи с противоправным или аморальным поведением родителя, а лишь на основании противоречия воли родителя воле ребенка, представляется несоразмерным.

Необходимо предостеречь себя от опрометчивого предположения о том, что если решение суда по гипотетическому спору о воспитании при каких-то условиях может наилучшим образом защитить тот или иной интерес ребенка, то обращение в суд можно считать полезной и желательной мерой для развития ребенка в целом.

Проведем мысленный эксперимент и представим, что в рамках рассмотрения такого дела по итогам получения консультаций нескольких специалистов абсолютно достоверно (сделаем такое допущение для чистоты мысленного эксперимента) установлено, что складу ума, характера, физическим и психическим способностям ребенка больше соответствуют, к примеру, желаемые им спортивные занятия, а не школа с литературным уклоном, на которой настаивают родители. Суд выносит соответствующее решение, обязывающее родителей направить ребенка на обучение именно в спортивную школу (вопрос об исполнимости такого решения – самостоятельный аспект рассматриваемой проблемы и здесь не исследуется).

Трудно возразить против того, что таким решением в полной мере защищено право ребенка на учет его мнения по касающимся его вопросам (ст. 57 Семейного кодекса РФ) и, по-видимому, в большой степени – право на всестороннее развитие (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ). Одновременно такое решение, как представляется, наносит существенный урон праву ребенка «жить и воспитываться в семье», то есть «праву на воспитание *своими родителями*» (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ). Интерес ребенка состоит не только и не столько в том, чтобы жить в наилуч-

ших условиях для реализации своих способностей. Не меньшим (а с нашей точки зрения – большим) благом ребенка, охраняемым Семейным кодексом, является возможность воспитываться в соответствии с родительской волей, расти в лоне ценностей, убеждений и идей собственной семьи, будучи одновременно огражденным от навязывания извне. Иначе говоря, расти в условиях, когда родительская воля (безусловно, не выходящая за пределы законодательных запретов) непрекаема для государства и не может быть сломлена в том числе по иску несогласного с ней подростка – самостоятельный интерес ребенка, имеющий, как представляется, ключевое значение.

Сказанное означает, что передача спора родителя и ребенка в суд вне зависимости от его исхода влечет поражение в правах и интересах как ребенка, так и родителя. В конкуренцию при этом, как мы увидели, вступают не только интересы, с одной стороны – ребенка, с другой – родителя, но и разного порядка интересы ребенка между собой.

Наконец, пронаблюдаем, каково влияние гипотетического судебного спора на личную автономию несовершеннолетнего. Представляется, что, передавая «дело» о споре со своим родителем в суд, ребенок в действительности не защищает, а, напротив, ограничивает свою самостоятельность: в конечном итоге решение все равно принимается за него, только уже не родителем, а судьей, то есть посторонним для несовершеннолетнего истца человеком. Наивно было бы считать, что судья разрешит внутрисемейный спор «лучше», чем бы его разрешили родители. Едва ли судья, увидевший ребенка впервые в жизни, способен понять его интересы вернее, чем бы это сделал воспитывающий его родитель.

По этой причине предъявление подобного иска неверно понимать как средство защиты автономии личности ребенка. Скорее, оно выступает средством исключительно «побороть», поставить под сомнение родительскую власть. Едва ли возможно признать законный интерес в подобном стремлении, так как он противоречит базовым принципам семейного права.

Не случайно, что Философы эпохи Просвещения, идеи которых легли в основу современного представления о правах человека и автономии личности, не отвергали родительской власти и не провозглашали независимости детей от родителей. Наоборот, философы Нового времени (Дж. С. Милль, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо) придавали семейному воспитанию огромную значимость в построении гражданского общества, так как именно в семье, по их мнению, должно произойти постепенное становление личности, соответству-

ющей идеалам Эпохи Просвещения: зрелой, ответственной, инициативной, с развитым чувством долга и чести [10, с. 23; 11, с. 275; 12, с. 174].

Приведенные рассуждения приводят нас к выводу о том, что нормы ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ неверно понимать как позволяющие предъявлять подросткам иски против родителей об оспаривании принятых ими воспитательных решений. Такое толкование данных норм порождает ряд неразрешимых проблем и пагубных последствий, многократно превышающих по своей значимости возможный позитивный эффект данного подхода. Так, передача суду споров подростков с родителями о воспитании дезавуирует родительскую власть, отнимает у родителя право на принятие воспитательного решения в данном конкретном случае и во многом блокирует возможность нормального воспитания в будущем. Представляется, что такое решение является несоразмерным вмешательством государства во внутреннюю жизнь семьи и безосновательным отстранением родителя от воспитания ребенка. Одновременно гипотетическое судебное вмешательство, будучи направлено на защиту прав и интересов ребенка, парадоксально ограничивает его первейшее семейное право – право воспитываться в семье, собственными родителями. В то же время автономия личности несовершеннолетнего, выступающая противостоящей родительской власти ценностью, также не получает сколько-нибудь значимой защиты, поскольку ребенок в гипотетическом процессе все равно остается объектом власти, но уже не родительской, а государственной.

Список литературы:

- [1] Антокольская М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 432 с.
- [2] Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : диссертация...доктора юридических наук : 12.00.03. – Москва, 2006. 374 с.
- [3] Права несовершеннолетних: правовое регулирование и проблемы реализации в условиях современного общества : сборник материалов / О. С. Рыбакова, Э. И. Атагимова, А. Т. Потемкина [и др.] ; под ред. О. С. Рыбаковой. — Москва : Русайнс, 2022. – 237 с.
- [4] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. – Санкт-Петербург, 1902. 663 с.

[5] Мейер Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва : Статут, 2021. — 846 с.

[6] Гойхбарг А. Г. Новое семейное право: введение; вступление в брак; недействительные браки; прежние браки; прекращение брака и развод; отношения супругов; родители и дети; опека / А. Г. Гойхбарг. - Москва : издание военно-юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1918. — 88с.

[7] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стереот. — М.: Статут, 2013. — 353 с.

[8] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. - 10-е изд. - Москва : издание Бр. Башмаковых, 1912. — 951 с.

[9] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007. — 306 p.

[10] Милль Д. С. О свободе / пер. М. И. Ловцовой. СПб.: Изд-во В. И. Губинского, 1901 г. — 237 с.

[11] Локк, Джон. Два трактата о правлении / Дж. Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. — 4-е изд., эл. — 1 файл pdf — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. 496 с.

[12] Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. — 416 с.

[3] The Rights of Minors: Legal Regulation and Problems of Implementation in the Context of Modern Society: a collection of materials / O. S. Rybakova, E. I. Atagimov, A. T. Potemkina [et al.]; edited by O. S. Rybakova. - Moscow: Rusains, 2022. - 237 p.

[4] Civil Code. Book Two. Family Law. Project of the Supremely Institutional Editorial Commission for Compiling the Civil Code. Volume One. Articles 1–349. With Explanations. — St. Petersburg, 1902. 663 p.

[5] Meyer, D. I. Russian Civil Law. — 4th ed., corrected and supplemented. — Moscow: Statut, 2021. — 846 p.

[6] Goykhbarg, A. G. New Family Law: Introduction; Marriage; Invalid Marriages; Previous Marriages; Termination of Marriage and Divorce; Spousal Relations; Parents and Children; Guardianship. — Moscow: Published by the Military-Legal Bookstore "Pravovedenie" of I. K. Golubev, 1918. — 88 p.

[7] Pokrovsky, I. A. Basic Problems of Civil Law. 6th ed., stereot. — Moscow: Statut, 2013. — 353 p.

[8] Shershenevich, G. F. Textbook of Russian Civil Law / G. F. Shershenevich. - 10th ed. - Moscow: Bashmakov Brothers' Edition, 1912. — 951 p.

[9] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007. — 306 p.

[10] Mill, D. S. On Liberty / translated by M. I. Lovtsova. St. Petersburg: V. I. Gubinsky Publishing House, 1901. — 237 p.

[11] Locke, John. Two Treatises of Government / J. Locke; translated from English by E. S. Lagutina, Yu. V. Semenova. — 4th ed., electronic — 1 pdf file — Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2020. 496 p.

[12] Rousseau J. J. On the Social Contract. Treatises / Translated from French. — Moscow: "CANON-press", "Kuchkovo pole", 1998. — 416 p.

References:

[1] Antokolskaya M. V. Family Law: textbook / M. V. Antokolskaya. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. - 432 p.

[2] Ilyina O. Yu. Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2006. 374 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.